

ЗАКОН

Опасность
контрмажоритаризма
при оспаривании
корпоративных
решений

Будущее акций
с разным
объемом прав
в России

Дистанционное
разбирательство:
все ли так позитивно?

Гражданский иск
в уголовных делах:
комментарии
экспертов

Дмитрий СТЕПАНОВ:
«Принцип ограниченной ответственности
у нас фактически упразднен»

ТЕМА НОМЕРА: Защита корпоративных прав

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНЫХ ДЕЛАХ

Пленум Верховного Суда РФ выпустил Постановление, посвященное проблемным вопросам рассмотрения гражданских исков в уголовных делах¹.

Мы попросили экспертов прокомментировать его. Какое влияние оно окажет на практику? Какие проблемы применения гражданских исков в уголовном деле остаются неразрешенными?

ЛЕОНИД ГОЛОВКО

заведующий
кафедрой уголовного
процесса, правосудия
и прокурорского
надзора МГУ имени
М.В. Ломоносова,
доктор юридических
наук, профессор

— Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ ничего сенсационного не несет, да и нести не могло. Речь идет о классическом для уголовного процесса институте французского происхождения (концепция так называемого соединенного процесса), который глубоко укоренился в нашем праве с XIX в. Все атаки на него либо сугубо конъюнктурны (связаны с конкретными делами, чьим исходом недовольна одна из сторон), либо откровенно некомпетентны.

Если говорить о деталях, то в этом Постановлении обращают на себя внимание три спорных момента. *Во-первых*, некоторое локальное проявление ныне, к сожалению, модных антисоциальных начал. Так, в судебной практике еще с советских времен устоялся набор исключений из принципа, что в уголовном процессе взысканию подлежит лишь вред, причиненный преступлением *непосредственно* (опосредованный вред можно взыскивать только в порядке гражданского судопроизводства). Все эти исключения, как правило, были связаны с ярко выраженными социальными мотивами, хрестоматийным примером чего являлось, в частности, право на предъявление в уголовном процессе гражданского иска лицами, понесшими расходы на погребение, и лицами, потерявшими в результате преступления кормильца. Сейчас остается только первое исключение, а иждивенцы отправлены взыскивать вред, причиненный им смертью кормильца, в порядке гражданского судопроизводства (п. 12). Такая судебная политика вызывает недоумение.

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

Во-вторых, уголовно-процессуальная теория всегда исходила из *специального* порядка предъявления гражданского иска в уголовном процессе, не требующего составления искового заявления, так как в нем нечего писать: в момент возбуждения уголовного дела, с которого допускается признание лица гражданским истцом, официально неизвестны ни размер вреда, ни лицо, его причинившее, ни суд, в который будет направлено дело для судебного разбирательства, в том числе в части иска, ни многое другое. Все это еще предстоит установить следствию. Поэтому предъявление иска сводится к разъяснению права на иск и вынесению постановления о признании соответствующего лица гражданским истцом, после чего его исковые требования уточняются в ходе расследования, судебного разбирательства и т.д., опираясь как на динамику формирования материалов уголовного дела, так и на представляемые самим гражданским истцом доказательства, его позицию по делу и т.п. В противном случае мы требовали бы от пострадавшего частного лица больше, чем от органов следствия, так как они обязаны установить лицо, совершившее преступление, размер вреда и прочие обстоятельства не в начале следствия и тем более не в момент возбуждения уголовного дела, а по окончании всего расследования, да и то предварительно (впереди еще судебное следствие). Тем не менее Пленум намекнул (именно намекнул!), что исковое заявление все-таки должно быть (п. 15), причем его неуверенность по данному вопросу проявилась в использовании через скобки в качестве эквивалента двух понятий: «исковое заявление» и «заявление». Последнее из них вообще можно толковать как угодно (и как ходатайство, и как заявление о преступлении и т.п.). Это, конечно, далеко не самый удачный пассаж Постановления с точки зрения правовой определенности. Дабы не сталкиваться с необходимостью искать компромиссные формулировки, лучше опираться на классические подходы.

В-третьих, уголовно-процессуальная теория исходит также из того, что фигура гражданского ответчика возникает лишь в ситуации, когда гражданскую ответственность за действия обвиняемого несет третье лицо (родители несовершеннолетних, владельцы источника повышенной опасности и т.п.). Если ее несет обвиняемый, то его наделять специальным статусом гражданского ответчика не надо: у него и так достаточно прав, чтобы защищаться от иска. Именно этим объясняется, что в соответствии со ст. 54 УПК РФ гражданский ответчик знакомится с материалами дела, приносит апелляционные, кассационные жалобы лишь «в части гражданского иска». Но вместо того, чтобы прямо об этом сказать, Пленум лишь процитировал не совсем удачную формулировку ч. 1 ст. 54 УПК РФ (п. 5), косвенно указав в дальнейшем, что гражданским ответчиком надо признавать и обвиняемого (п. 18). При этом, понимая деликатность разъяснения обвиняемому различных процессуальных прав в редуцированном виде (лишь в «части гражданского иска»), Пленум вышел из положения указанием на то, что разъяснять надо лишь первые три права, предоставленные гражданскому ответчику, где нет этих ограничительных слов. Этим Постановление окончательно запутывает ситуацию, хотя выход из нее очевиден: статус гражданского ответчика имеет не материально-правовую, а сугубо процессуальную природу и предоставляется только

СЕРГЕЙ ПАШИН

профессор факультета
права Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
федеральный судья в
отставке, заслуженный
юрист РФ

лицам, несущим ответственность за действия обвиняемого, которых в случае предъявления гражданского иска надо специально вводить в уголовный процесс (в ином качестве они в нем не фигурируют).

Отмеченные расхождения с глубоко продуманными и давно утвердившимися в теории классическими подходами Постановление Пленума, конечно, не украшают. Это, пожалуй, главное, что вызывает сожаление.

— Изложение вопросов гражданского иска по уголовному делу в едином Постановлении Верховного Суда РФ способствует упорядочению судебной практики и облегчает работу судебных юристов. Однако за частоклоком разъяснений, иногда мелочных, не должны скрываться принципиальные проблемы правовой доктрины. Применительно к гражданскому иску по уголовному делу видятся по крайней мере две существенные трудности нормативного регулирования, которые нуждаются в более подробном и осмысленном разрешении.

Во-первых, постановление Пленума — прекрасный повод точно указать нормы гражданского процесса, которые следует и допустимо применять при производстве по уголовным делам. Одно из таких положений содержится в ч. 1 ст. 57 ГПК РФ и касается вручения заинтересованным лицам (в нашем случае — обвиняемым) копии искового заявления. К сожалению, Верховный Суд обошел молчанием проблемы аналогии закона и права.

Во-вторых, есть нужда в разъяснении непростых вопросов совместимости статусов участников уголовного судопроизводства. Понятно, что правовое положение потерпевшего и гражданского истца близко, это практически всегда — одно лицо. Иное положение наблюдается, когда обвиняемому присваивают попутно и статус гражданского ответчика. Последний, по смыслу уголовно-процессуального закона, обязан давать свидетельские показания; вправе знакомиться с материалами дела, лишь «относящимися к предъявленному гражданскому иску»; может иметь представителя. Закон упоминает гражданского ответчика *наряду* с обвиняемым (ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 292 УПК РФ и мн. др.), как отличную от него фигуру. Если, как утверждается в абз. 2 п. 5 Постановления, «по общему правилу, в качестве гражданского ответчика привлекается обвиняемый», то чьи права и обязанности преобладают при их противоречивости — обвиняемого или гражданского ответчика? В частности, вправе ли обвиняемый помимо защитника иметь также представителя для опровержения гражданского иска? Такое право ему разъясняется в силу п. 18 Постановления.

Напрашиваются и другие практические соображения. Так, не урегулирован вопрос о пределах гражданского иска в случаях, когда легальные формы хозяйствующих организаций используются для совершения мошенничества и других преступлений. В таких случаях граждане могут сперва предъявлять иски в порядке гражданского судопроизводства к юридическому лицу, использовавшемуся злоумышленниками в качестве «отмычки». Создает

ли эта активность какие-либо особенности предъявления и рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении руководителей такой организации? Увы — не развеивает Пленум подобные недоумения.

Не все нормы о гражданском иске, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», переключались в специальное Постановление № 23, что требует от юристов обращения к обоим документам, а это не столь удобно.

Верховный Суд походя отнял у людей, потерявших убитого преступником кормильца, право предъявлять иски в порядке уголовного судопроизводства (сравните п. 13 комментируемого Постановления и п. 2 отмененного Верховным Судом РФ постановления Пленума ВС СССР от 23.03.1979 № 1). Вдовам и сиротам придется дожидаться вынесения приговора и только потом обращаться с иском к осужденному в порядке гражданского судопроизводства, ссылаясь на преюдициальное решение по уголовному делу.

ВАДИМ КЛЮВАНТ

партнер, соруководитель
уголовно-правовой
практики коллегии
адвокатов *Pen &
Paper*, вице-президент
Адвокатской палаты
г. Москвы, кандидат
исторических наук

— Представляется, что Постановление ориентирует суды (а значит, и следственные органы на досудебной стадии) на более эффективную реализацию конституционной обязанности государства по компенсации вреда, причиненного преступлением, при обеспечении баланса с исполнением другой конституционной обязанности: справедливого разрешения уголовного дела во всех его аспектах на основе презумпции невиновности и с соблюдением всех законодательных требований к проверке и оценке доказательств.

Важно, что такая компенсация должна обеспечиваться не только лицам, признанным потерпевшими, но и иным лицам, которым преступным деянием причинен вред. Об этом свидетельствуют и формулировки п. 1, 2, 10, 17, 18 Постановления, где содержатся прямые или косвенные указания на других гражданских истцов, помимо потерпевшего, и отсутствие в Постановлении каких-либо ограничительных условий в этом отношении (в том числе и тех, которые были в проекте). Такой подход логичен и правомерен. Он соответствует предусмотренному уголовно-процессуальным законом составу участников уголовного судопроизводства, среди которых, наряду с потерпевшим, есть и гражданский истец. Соответствует он и правоприменительным реалиям: в силу самых разных причин на практике бывает проще добиться от следствия или суда процессуального признания в уголовном деле статуса гражданского истца, чем статуса потерпевшего. При этом активная реализация полномочий гражданского истца тоже может быть достаточно эффективным способом защиты нарушенных прав.

В связи с этим обращают на себя внимание конкретные разъяснения Пленума относительно правильного определения в конкретном деле, в зависимости от его обстоятельств, надлежащих гражданских истцов и гражданских ответчиков, равно как и допустимых исковых требований.

Заслуживает поддержки содержащееся в п. 27 Постановления требование принимать исчерпывающие меры к разрешению гражданского иска непосредственно в уголовном деле, не допуская необоснованной отсылки его к гражданскому судопроизводству. Установление характера и размера вреда, причиненного преступлением, входит в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК). Поэтому выглядит логичным возложение обязанности доказывания этих обстоятельств на обвинителя (опять же, «регрессным» путем эта обязанность адресуется и следователю).

Вместе с тем такое разъяснение Пленума ни в коем случае не должно пониматься как освобождение самого гражданского истца (будь то потерпевший или иное лицо) от обязанности доказывания своих требований, причем касающихся как вреда непосредственно от преступления, так и сопутствующего вреда.

Представляется, что комментируемую позицию Пленума следует понимать и как предостережение от необоснованного, механического удовлетворения судом гражданского иска только потому, что он заявлен лицом, признанным потерпевшим. Однако хотелось бы видеть более прямое и решительное выражение этого требования в Постановлении. К сожалению, в правоприменительной практике по уголовным делам не являются редкостью ни лжепотерпевшие, ни злоупотребления правом на заявление иска с целью уклонения от обязанности по его доказыванию, которая в полной мере лежала бы на истце в гражданском судопроизводстве. Внедрение же в уголовное судопроизводство полноценного стандарта доказывания исковых требований будет нивелировать мотивацию к искусственной криминализации делового оборота и недобросовестным действиям в обход цивилистических способов защиты прав и с необоснованным вовлечением полномочий государства по уголовному преследованию.

АЛЕКСЕЙ ПИЮК

председатель суда
Ямало-Ненецкого
автономного округа,
доктор юридических
наук

— Постановление Пленума, безусловно, следует оценить положительно, его принятие позволило наконец разрешить один из главных вопросов — о границах, в которых реализуются иски в уголовном процессе. В п. 1 Постановления прямо говорится, что физические и юридические лица могут требовать возмещения вреда, который был причинен *непосредственно преступлением*, а п. 12 Постановления, конкретизируя это положение, устанавливает, что требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего (например, о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, о признании гражданско-правового договора недействительным, о возмещении вреда в случае смерти кормильца), а также регрессные иски (о возмещении расходов страховым организациям и др.) подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Такое установление пределов позволит судьям освободиться от рассмотрения большого количества требований, лишь опосредованно связанных с преступлением, что должно повлечь повышение качества рассмотрения собственно уголовных дел.

Вместе с тем Пленум оставил неразрешенными некоторые вопросы, традиционно вызывающие затруднения в процессе правоприменения.

Нерешенным, к примеру, остался вопрос о том, в каких пределах должны и должны ли в принципе нести гражданско-правовую ответственность причинители вреда — руководитель предприятия (организации) либо иное лицо, выполняющее хозяйственно-распорядительные функции, в том случае, если в результате их действий не были исполнены какие-либо финансовые обязательства юридического лица, например обязанности по уплате налогов. Позиция Верховного Суда РФ здесь неоднозначна: так, взыскание вреда, причиненного руководителем, допускается, если утрачена возможность его возмещения самим предприятием (к примеру, в случае истечения налогового периода), однако, как представляется, эта проблема все же должна получить свое решение.

Не совсем удовлетворительным представляется п. 30 Постановления, императивно устанавливающий, что при вынесении оправдательного приговора по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие события преступления), суд должен отказать в удовлетворении гражданского иска. Гражданско-правовые обязательства могут возникать на основании различных договоров, имеющих свои особенности, — так, индивидуальный предприниматель, осуществляющий услуги хранения и обязанный возвратить хранимую вещь поклажедателю, несет обязанность по возврату хранимого просто в силу договора хранения. Даже если выяснится, что вещь утрачена, к примеру, в результате стихийного бедствия, это вряд ли должно влечь отказ в удовлетворении иска. Как видится, решение вопроса о том, отказать ли в иске или оставить его без рассмотрения, логичнее отдать на усмотрение суда, исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела с тем, чтобы в дальнейшем истец не утратил своего права на возмещение вреда и мог реализовать его в рамках собственно гражданского судопроизводства.

Представляется также, что останутся сложности и при рассмотрении гражданских дел по требованиям истцов, которые ранее были фактически удовлетворены путем признания права согласно ч. 2 ст. 309 УПК РФ с передачей вопроса «о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства». Нам приходилось рассматривать в порядке гражданского судопроизводства дела, где следовало определить «только» размер вреда, при этом не всегда принятые коллегами решения, на наш взгляд, были обоснованы, что в дальнейшем подтверждали апелляционные и кассационные инстанции. В абз. 3 п. 27 Постановления Пленум указал, что решение о передаче вопроса о размере возмещения вреда *всегда должно быть мотивированным*, — это отрадно, однако не снимает проблемы, заложенной в самой ст. 309 УПК, которая давно нуждается в корректировке. Вряд ли оправданно рассматривать один и тот же иск вначале в уголовном деле, а затем в порядке гражданского судопроизводства двумя, а то и тремя разными судьями, имеющими разную специализацию и квалификацию.

НАТАЛЬЯ ШАТИХИНА

доцент кафедры
уголовного права СПбГУ,
кандидат юридических
наук

**КОНСТАНТИН
СКЛОВСКИЙ**

адвокат, доктор
юридических наук

— Принятое Постановление призвано внести некий элемент упорядоченности в крайне цветастую и разнообразную практику в отношении гражданских исков по уголовным делам. Появление Постановления в этом смысле можно только приветствовать. Не секрет, что, поскольку территориальная подсудность уголовных дел связана с местом совершения преступления, а соотношение уголовной и арбитражной практики исходит из преюдициального преимущества первой, зачастую именно через не всегда бесспорную региональную практику закладывается основа для весьма крупных коммерческих споров.

Однако Верховный Суд обходит стороной наиболее сложные и востребованные вопросы, например соотношения гражданского иска по делам о сложных интеллектуальных хищениях с гражданскими положениями, в том числе законодательством о банкротстве. Впрочем, это традиционный для него подход по разделению процессов. Полагаю, для «беловоротничковых» дел это означает, что уголовные суды продолжают удовлетворять гражданские иски «по праву», оставляя существо вопроса арбитражу.

— В целом Постановление, ограничиваясь только нормой закона, представляется неоправданно узким и недостаточно точно отвечающим на запросы практики.

Прежде всего, отсутствует тема заявления иных исков, кроме иска о возмещении вреда, — вещных исков, исков о недействительности сделки и т.д.

Между тем здесь, во-первых, крайне желательно четко указать, что такие иски не могут заявляться в уголовном процессе. Во-вторых, еще важнее подчеркнуть, что для обеспечения таких исков недопустим арест имущества в уголовном процессе, что является одной из самых острых практических проблем.

Известно, что повальный арест всего имущества подозреваемого весьма часто является главным мотивом уголовного преследования, даже если формула обвинения не содержит причинения существенного вреда, а квалификация преступления не предусматривает конфискации.

Во всяком случае, для оправдания таких арестов следователь не может выдвигать довод о том, что арест накладывается для обеспечения права потерпевшего на возврат арестованного имущества от обвиняемого. Такой возврат должен осуществляться вещным иском в гражданском процессе и обеспечиваться в порядке гражданского судопроизводства.

Очень важно указать, что вещный спор не должен замещаться иском в уголовном процессе, и если потерпевший своевременно не возбудил спор об истребовании своего имущества, о признании права на него, то независимо от уголовного дела на такие требования распространяется срок исковой давности. Приговор может в известных случаях давать основания для пересмотра

решения по гражданскому делу по вновь открывшимся обстоятельствам, но недопустимо, повторюсь, переносить вещный спор в уголовное дело. Именно такие разъяснения и ожидаются от Верховного Суда, но он, к сожалению, уклонился от них.

Постановление не разъяснило материальных и процессуальных аспектов судьбы имущества, арестованного у третьих лиц (ст. 115 УПК РФ). В частности, неясно, какова судьба этого имущества, если приговором не будет установлено, что оно приобретено в результате совершения преступления. Не вполне ясно также, кто должен доказать недобросовестность владельцев арестованного имущества, если этот вопрос не охватывается составом преступления, что обычно и бывает, если такие владельцы не являются соучастниками преступления.

Норма ст. 115 УПК РФ не отменяет и не может отменить норм ст. 302, 234 ГК РФ о защите добросовестного приобретателя имущества. Вместе с тем право на арест имущества владельцев, не являющихся обвиняемыми по уголовному делу, создает коллизию между уголовным правом и процессом и правом гражданским, решение которой не вытекает из содержания ст. 115 УПК РФ.

Вероятно, именно в связи с гражданским иском в уголовном процессе и должны разъясняться такие вопросы.

НИКИТА КОЛОКОЛОВ

судья Верховного Суда
РФ (в отставке), доктор
юридических наук

— Авторы Постановления изначально поставили перед собой в принципе неразрешимую задачу, так как невозможно совместить процесс уголовный («пламя»), в основе которого лежит розыск (инквизиция), с производством гражданским, база которого — «лед» диспозитивности.

Общеизвестно, что в уголовном процессе гражданский иск — категория *a priori* чужеродная, ибо основная задача производства заключается не в возмещении (компенсации) вреда жертве преступления (дело частное), а в решении вопросов государственного уровня — на досудебном этапе это раскрытие преступлений и изобличение виновных (будущих гражданских ответчиков), в суде же — назначение последним справедливого наказания. При таких обстоятельствах одновременное вынесение судом решения о возмещении вреда, причиненного преступлением, — пусть и приятная для жертвы, но для государства все же дополнительная опция.

Да и скорости у гражданского и уголовного процессов разные. Поясню на примере: 16-летний подросток в весеннюю страду (день год кормит) угнал у фермера единственный взятый им в лизинг колесный трактор (ч. 1 ст. 166 УК РФ), на котором столкнулся с легковым автомобилем. Сразу установлено, что двум потерпевшим причинен тяжкий вред здоровью (ч. 1 ст. 264 УК РФ), а впоследствии оказалось, что оба стали инвалидами. Скрываясь от полиции, угонщик утопил трактор в болоте. Виновный задержан на месте преступления, в содеянном признался, раскаивается.

Очевидно, что особых сложностей в расследовании этих двух преступлений небольшой тяжести у следователя не будет, но очевидно и то, что гражданские иски, вытекающие из причинения самых разных видов вреда, разрешаться будут очень долго и, естественно, уже за рамками уголовного судопроизводства.

При таких обстоятельствах приведенное в преамбуле Постановления утверждение о том, что гражданский иск в уголовном деле представляет собой механизм эффективной судебной защиты прав потерпевшего, выглядит излишне оптимистичным, таким благим пожеланием.

Понятно также, что при подготовке гражданского иска в уголовном деле основная тяжесть в работе ложится не на суд, а на инквизитора — следователя, специально уполномоченного государством комиссара, который *ex officio* обязан найти не только виновных, но и подлежащее взысканию имущество, сохранить его до судебного разбирательства. Не случайно в п. 34 Постановления судам апелляционной и кассационной инстанций рекомендовано строго «реагировать на каждый случай нарушения прав потерпевшего и гражданского истца, допущенных при производстве дознания, предварительного следствия», карать нерадивых следователей путем вынесения частных определений.

При этом не совсем ясно, какой смысл авторы Постановления заложили во фразу «суду ... надлежит [самому] принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска» (п. 27); допустим ли судейский активизм, если выше указано, что по правилам состязательного процесса, основанного на принципе диспозитивности, суд обязан терпеливо ждать, пока прокурор (профессионал) справится с возложенным на него бременем доказывания характера и размера причиненного преступлением имущественного вреда (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а наличие вреда прочего также сугубо самостоятельно докажет любитель — гражданский истец, он же по закону должен обосновывать свои требования о размере компенсации морального вреда (п. 21).

Скажем больше, авторы Постановления предлагают суду принять участие даже в некоем «светском диалоге» с гражданским истцом, которому вменяется в обязанность самостоятельно устранить имеющиеся недостатки в его заявлении без возвращения такового (п. 15).

Вопрос к авторам Постановления: что делать суду, если тяжущиеся от доказывания по гражданскому иску самоустранились? Не считаясь со временем, выполнить всю черновую работу за них или передать гражданский иск на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства? Пассивность сторон не является основанием для передачи гражданского иска из процесса уголовного в судопроизводство гражданское. Более того, анализируемое Постановление под угрозой частного определения в адрес суда инстанции такую передачу и вовсе запрещает (п. 34).

«Суд ... принимает меры к обеспечению гражданского иска... В силу ч. 2 ст. 230 УПК РФ такие меры могут быть приняты судом по ходатайству потерпевшего,

ВИКТОРИЯ БУРКОВСКАЯ

партнер, руководитель
уголовно-правовой
практики адвокатского
бюро «Егоров,
Пугинский, Афанасьев
и партнеры», доктор
юридических наук

гражданского истца, их законных представителей или представителей либо прокурора» (п. 19). Вопрос: а исключительно по инициативе самого суда это возможно?

— Представляется, что Постановление способно существенным образом повлиять на правоприменительную практику, причем по некоторым вопросам довольно негативно.

Весьма спорными являются п. 7, 8, 27 и 31 Постановления в их взаимосвязи.

Согласно п. 7 необходимо иметь в виду положения п. 3 ст. 1080 ГК РФ о том, что лицо, неправомерно завладевшее чужим имуществом, которое в дальнейшем было повреждено или утрачено вследствие действий другого лица, действовавшего независимо от первого лица, отвечает за причиненный вред.

В соответствии с п. 8 к подлежащему возмещению имущественному вреду *помимо указанного в обвинении* относится также вред, возникший в результате уничтожения или повреждения обвиняемым чужого имущества, когда данные действия входили в способ совершения преступления и не требовали самостоятельной квалификации по ст. 167 или ст. 168 УК РФ.

Во-первых, указанные пункты логически противоречат друг другу.

С одной стороны, п. 8 подтверждает возможность взыскать только вред, входящий в состав преступления, поскольку вред, причиненный преступлением, с необходимостью должен быть включен в объективную сторону преступления (хотя бы относиться к способу совершения преступления).

С другой стороны, в п. 7 предлагается квалифицировать в качестве вреда, причиненного преступлением, вред, который связан с преступным деянием не только причинной, но и обуславливающей связью, что в любом случае предполагает возможность квалификации в качестве вреда, причиненного преступлением, последствий, выходящих за пределы состава преступления.

Гражданский иск в уголовном процессе — это требование о возмещении имущественного вреда, причиненного непосредственно преступлением. Понятие преступления как виновно совершенного деяния, запрещенного именно уголовным законом, не допускает возможности возложения на субъекта преступления ответственности за действия другого лица, равно как и за вред, не причиненный непосредственно преступлением и не включенный в предъявленное обвинение.

При этом согласно п. 27 не является основанием передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства необходимость производства дополнительных расчетов, если они связаны в том числе с уточнением размера имущественного вреда,

который имеет значение для квалификации содеянного и определения объема обвинения.

В соответствии с п. 31 суд апелляционной инстанции вправе изменить приговор в части гражданского иска и *увеличить размер* возмещения материального ущерба при условии, что он не имеет значения для установленных судом квалификации действий осужденного и объема обвинения.

Однако увеличение размера возмещения вреда, причиненного преступлением, в любом случае предполагает увеличение фактического объема обвинения. Следовательно, Постановление выводит разрешение гражданского иска за пределы судебного разбирательства, предусмотренные ст. 252 УПК РФ.

Соответственно, данные разъяснения необоснованно расширяют применение института гражданского иска в уголовном процессе.

Еще более радикальное изменение касается предмета гражданского иска в уголовном деле, традиционно являвшегося иском о присуждении. Так, согласно п. 12 Постановления требования имущественного характера, связанные с преступлением, например, о признании гражданско-правового договора недействительным, подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства. То есть Постановление вполне допускает, что в рамках уголовного судопроизводства может быть заявлен также иск о признании, хотя он и будет разрешен в рамках гражданского судопроизводства.

Не соответствует правовой природе гражданского иска по уголовному делу п. 21 Постановления, согласно которому имущественный вред, причиненный непосредственно преступлением, но выходящий за рамки предъявленного подсудимому обвинения (расходы потерпевшего на лечение в связи с повреждением здоровья; расходы на погребение, когда последствием преступления являлась смерть человека; расходы по ремонту поврежденного имущества при проникновении в жилище и др.), подлежит доказыванию гражданским истцом путем представления суду соответствующих документов.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ бремя доказывания характера и размера причиненного преступлением имущественного вреда лежит на государственном обвинителе, и приведенные в указанном пункте Постановления примеры вряд ли можно признать выходящими за пределы предъявленного подсудимому обвинения.

В п. 26 Пленум разъяснил, что при вынесении обвинительного приговора в отношении лица, дело о котором было выделено в отдельное производство, суд вправе возложить на него обязанность возместить вред солидарно с ранее осужденным лицом, если преступление совершено ими совместно.

Однако остался без внимания вопрос об ответственности по гражданскому иску лица, освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, совершившего преступление в соучастии с осужденным лицом.

Положительной оценки заслуживает п. 29 Постановления, еще раз подчеркнувший вслед за Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П и Обзором практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019), что мерой обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска является только арест имущества обвиняемого или лица, несущего материальную ответственность за его действия. Хочется верить, что это положение станет дополнительным аргументом в пользу искоренения противоречащей закону, но распространенной практики наложения ареста на имущество лиц, не несущих материальную ответственность за действия обвиняемого «в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска».

РУСТАМ КУРМАЕВ

управляющий партнер
юридической фирмы
«Рустам Курмаев и
партнеры»

— Рассмотрение гражданских исков в уголовных делах всегда стояло отдельным вопросом и было больше второстепенным событием и второстепенной задачей самого суда, который рассматривал иски. Это обусловлено тем, что суд при постановке обвинительного приговора всегда мог оставить иск без рассмотрения, указав на возможность заинтересованных лиц самостоятельно обратиться с иском в гражданском порядке.

Постановления Пленума Верховного Суда можно разделить на следующие виды:

— разъяснения толкования норм действующего закона, применение которого требует единообразного подхода судами;

— разъяснения правильного применения вновь принятых норм при возникновении проблем толкования положений соответствующих нововведений;

— изменения в ранее принятые постановления или отмена действовавших постановлений из-за изменений действующего законодательства;

— обобщения текущей практики работы судов по тем или иным вопросам или определение критериев правильного правоприменения.

Обсуждаемое Постановление можно отнести к двум последним видам. В его содержании отсутствуют какие-либо существенные нововведения, которые кардинально влияют на порядок рассмотрения гражданских исков по уголовным делам.

Положения Постановления были всем известны и ранее. Многие моменты зафиксированы в позициях Верховного Суда РФ в рамках разъяснения норм материального и процессуального права по гражданским делам.

Можно оценить Постановление в качестве более унифицированной инструкции по порядку действий судов по искам. Подобный документ всегда приветствуется юридическим сообществом, поскольку дает всем понятные правила участия в процессе.

Однако данный документ не устраняет существующих проблем в уголовном процессе в части гражданских исков.

Чаще всего практикующие юристы выделяют следующие сложности и вопросы:

— отсутствие в УПК РФ процедурных требований для обращения с гражданским иском. Наличие права на обращение должно предусматривать четкие правила подачи соответствующего иска (форма, содержание, мотивировка, ссылка на доказательства, персонификацию требований и т.д.). В уголовном деле иски чаще всего подаются на стадии следствия. Их форма и содержание в большинстве случаев оставляют желать лучшего, поскольку УПК РФ никак не регулирует этот момент, а следователь не уполномочен хоть как-то вдаваться в такое процессуально-процедурное действие. Его задача — просто принять иск и принять меры его обеспечения (ст. 115 УПК РФ), а судьба иска ему безразлична;

— соотношение заявленного иска по объему и характеру требований с другими судебными и досудебными процедурами гражданского порядка. Например, наличие одновременно протекающих процессов в арбитражных судах: банкротства подсудимого или иных споров в судах общей юрисдикции, прямо или косвенно связанных с заявленным иском;

— определение надлежащего состава участников гражданского спора и лиц, имеющих право обращаться с исками. Классическая формула «потерпевший равно гражданский истец» до настоящего времени не учитывает наличия третьих лиц со своими требованиями и без них, наличия полномочий на подачу иска у лица, признанного гражданским истцом и потерпевшим, а также проблемы надлежащего универсального правопреемства (за исключением случаев смерти потерпевшего) в уголовных делах по должностным и экономическим составам.

— В Постановлении затронут ряд важных вопросов, в частности о том, кого привлекать гражданским ответчиком по делам о преступлениях должностных лиц, а также некоторые аспекты возмещения морального вреда. Следует приветствовать то, что Верховный Суд подчеркнул: суду надлежит принимать исчерпывающие меры для разрешения имеющегося по делу гражданского иска по существу. Сейчас суды несколько злоупотребляют возможностью признать за истцом право на удовлетворение его требований и направить для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства ввиду «необходимости производства дополнительных расчетов», даже когда на самом деле никаких особенных расчетов не требуется. Также Верховный Суд ориентировал суды на самостоятельное принятие обеспечительных мер по гражданским искам, что можно поддержать и что пока редко встречается на практике.

Можно сказать, что Верховный Суд разрешил вопрос о форме, в которой должен быть предъявлен гражданский иск. В теории уголовного процесса считается, что достаточно простого ходатайства о признании гражданским истцом или о возмещении ущерба в порядке гражданского иска. Между тем на практике суды требуют именно документ под названием «исковое заявление». Косвенно Пленум поддержал этот подход, упомянув такое заявление, «приобщенное к материалам дела», в п. 15 Постановления.

МАРИЯ МИХЕЕНКОВА

советник московского
офиса международной
юридической фирмы
Dentons, адвокат,
кандидат юридических
наук

В то же время некоторые разъяснения могут вызвать вопросы судов. Так, к должностным лицам могут быть приравнены некоторые сотрудники государственных корпораций, ГУП, МУП и т.п. Разъяснений о надлежащем гражданском ответчике на этот случай Суд не дал.

Далее, у судов нередко возникают сложности с вопросом о том, кто помимо адвоката может представлять интересы юридического лица при разрешении гражданского иска в уголовном деле. С одной стороны, Пленум разъясняет, что это лица, правомочные представлять организацию в соответствии с ГК РФ. С другой стороны, тут же в скобках даются примеры: лица, уполномоченные действовать от имени юридического лица в силу закона или учредительных документов. В результате у судов может сохраниться существующая и сейчас неуверенность насчет того, может ли представителем организации в данном случае выступать лицо по доверенности. По ГК — может, но это судам не всегда ясно, и приведенный Верховным Судом пример только поспособствует путанице.

В части морального вреда Суд подтвердил, что иски о его возмещении могут предъявлять одновременно несколько потерпевших, например родственники погибшего. Однако осталось неясным, как наличие нескольких исков влияет на возможную сумму компенсации по каждому из них. Например, если одному потерпевшему суд присудит 1 млн руб., должен ли суд при наличии двух потерпевших присудить каждому по 500 тыс. или все равно по 1 млн?

Разъяснения больше ориентированы на общеуголовные преступления и не содержат деталей относительно того, как исчислять вред по делам об экономических и должностных преступлениях. Этот вопрос также вызывает у судов затруднения.

Тем не менее в целом Постановление следует оценить положительно, так как оно позволит снять хотя бы часть проблем при разрешении гражданских исков по уголовным делам.

ЮЛИЙ ТАЙ

управляющий партнер
адвокатского бюро
«Бартолиус», кандидат
юридических наук

— Прежде всего необходимо отметить, что сама тема Постановления является сверхактуальной и востребованной на практике. Убежден, что принятие этого документа улучшит практику правоприменения по данному вопросу, который не находил своего разрешения за все время существования современной России. Рассмотрение огромного количества уголовных дел сопряжено с необходимостью разрешения гражданско-правовых споров, связанных с последствиями совершенных преступлений. Причем на практике возникает несколько крайностей: одни суды, рассматривающие уголовное дело, не хотят брать на себя ответственность и расширять круг дополнительных доказательств и норм права, связанных с рассмотрением гражданского иска, отправляя и так уже потерпевших и пострадавших лиц на «новые круги вергилиева суда», а другие, наоборот, удовлетворяют или отказывают в удовлетворении иска, не особенно погружаясь в детали, перипетии и хитросплетения данного кейса. Та же ситуация с преюдицией: либо полное игнорирование, либо восприятие всех доказательств и обстоятельств,

упомянутых в тексте приговора, за чистую монету. Мне предоставилась возможность принять участие в заседании Научно-консультативного совета Верховного Суда РФ при обсуждении проекта Постановления. Мероприятие было содержательным, длительным, с присутствием всех заинтересованных сторон, которым было предоставлено слово. Однако, разумеется, далеко не все замечания были услышаны и приняты, что само по себе неудивительно, но все-таки не могу не воспользоваться возможностью довести до сведения читателей те положения, которые не были услышаны и восприняты коллегами из Верховного Суда, — вовсе не с целью критиканства, а по той причине, что весьма нескромным было бы писать о том, что стало частью финального текста Постановления.

Так, например, в п. 5 проекта Постановления содержалось положение, согласно которому «гражданский иск может быть предъявлен собственником или законным владельцем этого имущества». Однако вполне мыслима ситуация, когда ущерб может быть причинен как собственнику, так и владельцу имущества. В связи с этим предлагалось союз «или» заменить на «и/или». В результате этот пункт из Постановления вообще был исключен, хотя данная правовая коллизия объективно требует своего уточнения/разрешения.

В п. 11 проекта Постановления нами было предложено не создавать новых широких критериев формы и содержания гражданского иска и заменить слова «позволяют ли изложенные в заявленном иске требования о возмещении вреда правильно определить их существо, объем и размер с учетом обеспечения права гражданского ответчика представить на них возражения, а также беспрепятственно рассмотреть их судом» на «по аналогии их соответствие требованиям, предусмотренным ст. 131 ГПК РФ и ст. 125 АПК РФ», т.е. применить аналогию ГПК и АПК (в зависимости от того, кто является ответчиком), в которых уже установлены требования к содержанию и формам исковых заявлений; тем более, что в случае выделения гражданского иска для рассмотрения в гражданском или арбитражном судопроизводстве к нему все равно будут предъявляться требования ГПК или АПК РФ. Этот пункт разъяснения также целиком был исключен из итогового текста.

Из абз. 1 п. 23 проекта Постановления (который стал п. 25 Постановления) было предложено исключить второе предложение: «По просьбе гражданского истца суд вправе определить долевой порядок взыскания имущественного вреда», так как для этого отсутствуют правовые основания и тем самым нарушается природа солидарной ответственности. Возможна неразрешимая ситуация, когда при исполнении судебного акта истец захочет изменить размер долей и выяснит, что один ответчик платежеспособен, а другой нет.

Также, увы, было отклонено предложение изложить абз. 1 п. 25 (стал п. 28 Постановления) в следующей редакции: «Признавая за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска с передачей вопроса о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с частью 2 статьи 309 УПК РФ, суд при исполнении приговора направляет для такого рассмотрения копии обвинительного приговора, ре-

шения суда апелляционной инстанции, искового заявления с приложениями к нему, постановления и/или определения о признании гражданским истцом и гражданским ответчиком. При этом стороны в порядке гражданского судопроизводства вправе истребовать через суд копии иных материалов дела, необходимых для решения вопроса о размере возмещения».

Данное предложение было основано на том, что, во-первых, в силу ч. 1 ст. 44 и ч. 1 ст. 54 УПК РФ решение о признании лица гражданским истцом и гражданским ответчиком по уголовному делу оформляется постановлением или определением.

Во-вторых, гражданский истец должен сам определять перечень доказательств и представлять их в гражданский процесс. Возложение этой обязанности на суд, по нашему мнению, нарушает принцип состязательности.

Также было отклонено предложение дополнить проект Постановления тремя весьма проблемными и актуальными разъяснениями:

1) «судам следует иметь в виду, что не может быть в рамках уголовного дела заявлен гражданский иск, когда аналогичные требования с тем же предметом и основанием были предметом рассмотрения в ходе гражданского или арбитражного судопроизводства.

В случае, если в дальнейшем по уголовному делу будет вынесен приговор, которым будет установлена преступность деяния, которое повлекло неверное рассмотрение дела в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства (например, преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела; заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификация доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления), то потерпевший по такому уголовному делу вправе пересмотреть судебные акты на основании ч. 3 ст. 392 ГПК РФ и ч. 2 ст. 311 АПК РФ и в этом порядке реализовать свое право на рассмотрение гражданско-правовых требований с учетом обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором суда». Указанная правовая позиция могла бы решить проблему конфликта и противоречий судебных актов, вынесенных в отношении одних и тех же правоотношений, но в рамках разных процедур;

2) «надлежит учитывать, что отказ лица от иска, заявленный и принятый судом в порядке ст. 39 ГПК РФ или ст. 49 АПК РФ, лишает его возможности в дальнейшем заявлять тождественный иск (с тем же предметом и по тем же основаниям) в рамках уголовного дела. Однако это не является препятствием для реализации права на защиту прав и законных интересов лица в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевшего по уголовному делу». Данное разъяснение тоже могло бы снять противоречивую судебную практику по указанному вопросу и добавить как единообразия, так и правовой определенности;

3) «судам следует иметь в виду, что если в отношении обвиняемого (физического лица) или юридического лица, которое несет гражданскую ответственность за вред, причиненный обвиняемым, введена процедура банкротства (в форме реализации имущества в отношении физического лица или в форме конкурсного производства в отношении юридического лица), то в силу ст. 126 и ст. 213.24 ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“ любые гражданско-правовые требования могут быть заявлены исключительно в рамках дела о банкротстве данных лиц в порядке ст. 100 ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“, если они в силу ст. 5 ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“ не носят характер текущих требований.

Следовательно, в отношении таких лиц не может быть заявлен гражданский иск в рамках уголовного дела, если содержащееся в нем гражданско-правовое требование подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве в порядке ст. 100 ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“ и в отношении такого иска не могут приниматься меры, направленные на его обеспечение в рамках уголовного дела, которые будут препятствовать проведению процедуры банкротства». Такое разъяснение уже давно назрело, и даже если бы Пленум занял противоположную позицию, то это, как нам представляется, все равно было бы полезнее, чем очередное умолчание, поскольку трудно определить, если использовать терминологию Конституционного Суда России, было ли оно квалифицированным или случайным. ■